

194	0158-01	ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ	"Приходите ко мне"	Часть 1 "Раздетое сердце моё"
195	0158-02	ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ	"Приходите ко мне"	Часть 2 "Голос мой"

## "Приходите ко мне" (Коренблит – Горбовский)

### Часть 1 "Раздетое сердце моё"

1. Снег небесный – 1.21
2. Геометрия судьбы – 1.17
3. Конструктивизм – 0.51
4. Опять – 1.34
5. Скрип – 1.54
6. На пляже – 0.56
7. Лобное место – 0.54
8. Невиноватые помидоры – 1.10
9. В ресторане – 1.55
10. Будем вместе – 1.23
11. Молчанье – 1.08
12. Слова – 1.12
13. Снежные кони – 1.33
14. Женщина уходит – 1.16
15. Мыльные пузыри – 1.23
16. До свидания – 1.12
17. Понимающая Нева – 1.23
18. Раздетое сердце моё – 1.45
19. В темноте – 1.58
20. Без Бога – 1.52
21. Начало праздника – 0.56
22. Семья – 2.05
23. Тревога – 0.56
24. Вокзальное – 0.59
25. Страшно – 0.58
26. Всю ночь – 1.32
27. В дороге – 1.51

*Общее время звучания – 37.14*

*Общее время звучания – 75.48*

## СОДЕРЖАНИЕ

### 1. СНЕГ НЕБЕСНЫЙ

Снег небесный, снег нерукотворный,  
я – в твоей снежинке каждой беспризорной,  
в каждой иллюзорной жизни... В искре каждой  
звёздочки узорной, вспыхнувшей однажды!

Долгий танец в воздухе вечернем.  
Где паду-растаю, завершив верченье?  
Вижу, в небе звёзды тают, как снежинки.  
Или то – морозной вечности ужимки?

Друг мой, сердце, радуйся почаще!  
Мы с тобой – не в прошлом и не в настоящем,  
не в воде упругой, не в извивах суши –

мы над млечной вьюгой, где танцуют души!

## 2. ГЕОМЕТРИЯ СУДЬБЫ

Благословенны вертикали:  
деревья, здания, столпы,  
дым из трубы, стрела из стали  
и частокол людской толпы.

Нет, не толпы... Толпа – понура.  
А знак священный бытия  
есть одинокая фигура –  
у моря, в поле у жнивья,  
в горах на ледяной вершине,  
в пыли астральной на Луне...  
А кто стоит, в каком он чине,  
Каких кровей – не важно мне.

Стоит, живёт! По вертикали.  
Всем сердцем впитывая даль.  
Покуда все его печали  
не зачеркнёт горизонталь.

## 3. КОНСТРУКТИВИЗМ

Мало толку в пейзажах,  
зеленеющих скромно,  
а значение, скажем,  
труб фабричных – огромно.

Мало важного в небе,  
в экс-лирических тучках:  
квинт-эссенция в хлебе,  
в парт- и профнахлобучках.

... Я лежу на лужайке –  
на асфальте, в берете.  
Рядом – вкусные гайки  
лизжут умные дети.

Я лежу конструктивный,  
я лежу мозговитый,  
не банальный, спортивный,  
с чёрной оспой привитой.

## 4. ОПЯТЬ

Равнение – направо:  
туда, где быть звезде.  
А там... орёл двуглавый  
«на должной высоте».

Нога с натуги млеет,  
И взгляд косит едва...  
Опять на мавзолее –  
Мордастая братва.

Всё как бы шито-крыто,  
И, вроде, нет дождя.  
И лапником прикрыта  
фамилия вождя.

Вот только... боль в колене,  
и чтой-то с головой.  
... И в мавзолее Ленин –  
ни мёртвый, ни живой.

## 5. СКРИП

Всё было, как надо: вверху голубело,  
внизу из земли пробивалась трава,  
теплело на сердце... Но что-то – скрипело!  
Но что-то стенало – чуть слышно, едва.

Сучок о сучок или – слово о слово?  
А может, земная не смазана ось?  
А может быть, птица в чащобе еловой  
неправильно пела – испорченно, вкось?

И пусть бы скрипело... Не пули визжанье,  
не волчий голодный задумчивый вой...  
Но были в том скрипе, в его содержанье  
приметы какой-то тоски мировой.

И я не могу улыбаться беспечно  
и петь не могу, как когда-то, - без слёз.  
И что-то скрипит, мимолётное – в вечном,  
как будто на тёмной реке перевоз...

## 6. НА ПЛЯЖЕ

На заливе, на пляже  
ветер вдоль-поперек.  
Будто праздник вчерашний,  
заколочен ларёк.  
Голубые диваны  
сбились зябкой толпой.  
И зелёно-стеклянный  
монотонен прибой.  
Небо – миг – и заплачет.  
Погрустнели и мы.  
Вот из выцветших дачек  
вылезают дымы.  
Забираюсь поглубже,  
поплотнее в пиджак...  
И мне вовсе не хуже.  
И не лучше. Никак.

## 7. ЛОБНОЕ МЕСТО

Кирпичного здания в инее крылья.  
Кирпичная стужа. Пальто,

которым ходячее тело укрыл я,  
 чтоб душу не видел никто...  
 Реклама повисла горячечным знаком,  
 бросая по букве во тьму.  
 Земной и небесный покой одинаков,  
 как в нашем кирпичном доме,  
 как в нашей кирпичной громадной коробке,  
 набитой покоем и тьмой...  
 Смотрите, как дико идёт он и робко  
 на лобное место – домой.

## 8. НЕВИНОВАТЫЕ ПОМИДОРЫ

Разбавлю водку томатным соком  
 и пью несмело, украдкой, боком,  
 косясь на двери из тёмной кухни.  
 В квартире пусто. Никто не ухнет,  
 никто не влезет спросонья в душу.  
 ...Я долго строил. Теперь я рушу.  
 Я строил песни, шкафы и семьи.  
 Был уважаем, хоть и не всеми.  
 Любил улыбки, сам улыбался.  
 Всё строил домик, а он ломался.  
 Вот говорят мне, что нездоров я,  
 а я-то знаю, что водка – с кровью!  
 А не томаты, ох, не томаты...  
 Здесь помидоры не виноваты.

## 9. В РЕСТОРАНЕ

- Если можно, принесите сигарет!  
 Уберите также крошки со стола.  
 А вот этот непочтительный брюнет –  
 почему он нависает, как скала?  
 Вы решили, что я сник и одинок,  
 Вы сказали, что я гопник – не поэт.

Я разбавляю вам горчицею вино...  
 Если можно, принесите сигарет!  
 Я вас очень попрошу курить под стол.  
 А иначе – я вам... что-нибудь спою.  
 Я сыграю вашей кепочкой в футбол!  
 Отойдите: я с утра не подаю.

... На столе салат завял, как овдовел.  
 В лимонаде молча сдохли пузыри.  
 На эстраде человечек заревел,  
 словно что-то вырвал – с корнем – изнутри!  
 Я встаю, слегка ощупав свой бюджет.  
 Уходи отсюда, Глебушка – дружок!

- Если можно, принесите сигарет...  
 А брюнету мы запишем тот должок.

## 10. БУДЕМ ВМЕСТЕ

Это были не райские кущи, ей-ей:  
за больничной оградой десяток растений...  
Я увидел её в перехлесте ветвей,  
и упала душа на колени.

В этой горсточке женского тела, в цветке  
мне навстречу такие глаза горевали!  
И такая большая усталость в руке  
ощущалась, когда мне её подавали.

Здравствуй, солнышко, встретились мы наконец:  
гореванье твоё и моё гореванье  
будем вместе сгонять с опалённых сердец,  
будем вместе! Союз – упованье.

Это только казалось, что страшно упасть,  
а упал – и опять снизошла к тебе милость.  
Я целую тот дворик в кирпичную пасть,  
тот мирок заповедный, где ты мне явилась.

## 11. МОЛЧАНЬЕ

Не хочется нынче ни песен,  
ни умных речей принимать,  
а хочется встать под навесом  
и стебли у ливня ломать.  
Чтоб ветром в лицо заносило  
огромные капли воды.  
Чтоб ливнем тревогу гасило.  
Чтоб рядом – промокшая – ты.  
И чтобы – молчанье, молчанье!  
Воды клокотанье и мчанье...  
А мы – чтобы вовсе ни звука...  
Иначе – разлука. Разлука!..

## 12. СЛОВА

Слова – как дождь. Слова – как свёрла.  
Слова – невнятная труха.  
Твои слова – берут за горло,  
мои – берут за потроха!

Слова – с подвохом, с подковыркой...  
Слова – как бы напрасный труд.  
Одни слова – берут за шкуру,  
другие – за душу берут.

Слова любви, сердечной муки...  
Слова – зелёная трава...  
... Но те и эти – только звуки,  
то бишь – слова, слова, слова...

## 13. СНЕЖНЫЕ КОНИ

Час пробьёт – прервём беседу.

Сяду я на облучок.  
 «Значит, едешь?» «Значит – еду».  
 А – куда? О том – молчок.

Шевельну в морозной рани  
 задубевшею вожжой...  
 И умчат в распадок сани  
 Тело, ставшее душой.

Тишина обнимет плечи,  
 и растают в сизой мгле  
 избы, сосны, храм заречный,  
 всё живое на земле.

... Возвращаясь под лампы  
 в тёплый дом, - ещё в сениях  
 ты припомнишь: «А лошадок,  
 вроде, не было в санях!»

Сердце вздрогнет от напасти,  
 Вновь забьётся веселей:  
 «Были кони! Снежной масти...  
 Поля чистого белей!»

#### **14. ЖЕНЩИНА УХОДИТ**

Кто бы видел, как мы с ней прощались...  
 На её лице кипели слезы.  
 На вокзале дискантом кричали  
 маленькие злые паровозы.  
 Шла узкоколейная дорога  
 к берегу песчаному разлуки.  
 Вы меня касались так немного,  
 жалобно протянутые руки.  
 Всколыхнулись шрамами царапин...  
 Я их знаю, - это наши шрамы.  
 Я стою, оставленный на трапе,  
 молча, счастья взвешиваю граммы.  
 Мало! Как цветов на Антарктиде...  
 Женщина уходит при народе.  
 Женщина уходит... Посмотрите!  
 Женщина уходит и уходит.

#### **15. МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ**

Ничего не изменилось –  
 ни снаружи, ни внутри...  
 Настрогал в тарелку мыла  
 и пускаю пузыри.

О кровавых войнах помню,  
 ощущаю мысли жар...  
 Утончённо, как японец,  
 созерцаю мыльный шар.

Оболочки переливы –  
 побежалость, перламутр...  
 Буду весел – миг счастливый  
 и ещё полмига – мудр.

Шарик лопнул. Сохнет мыло.  
 Тает в памяти узор.  
 Но позвольте: что-то было!  
 Что-то нам ласкало взор.

... В облаках дорожной пыли,  
 друг мой, ангел ветровой,  
 мы с тобою – тоже были!  
 Отдавали синевой!

Вознесённые над бездной  
 в оболочке продувной –  
 отражали свет небесный,  
 излучали свет земной...

### **16. ДО СВИДАНИЯ**

Происходит в сознании сбой,  
 и приходит идея плохая:  
 расставаться труднее – с собой,  
 не с тобой, дорогая...

Все мы любим до некой поры:  
 не дотла, не до смертного стога.  
 ... Как выходит игрок из игры,  
 выхожу я из дома.

Я уже до чудесного прост:  
 Словно в сказке издревле.  
 Я читаю сияние звёзд  
 и ночные деревья.

Я не знаю, что будет потом,  
 но предчувствую нечто...  
 До свидания, небо и дом,  
 да пребудете вечно!

### **17. ПОНИМАЮЩАЯ НЕВА**

Я иду по уснувшей Неве.  
 В голове у меня – чистота.  
 Напекает на близкий рассвет  
 на Исакии вспышка креста.  
 Разъезжаются ноги на льду.  
 Я иду коридором Невы.  
 Кто-то съёжился весь на мосту,  
 наподобие спящей совы.  
 Но чернее, чем всё, - полынья.  
 Я её огибаю... пока.  
 В ней пульсирует кровью струя,

словно взрезана бритвой рука.  
 ...Я иду по прекрасной Неве.  
 Рассветает в моей голове.  
 Одеваются мысли в слова.  
 И меня понимает Нева.

### 18. РАЗДЕТОЕ СЕРДЦЕ МОЁ

Разорву воротник. Приспособлю под голову кочку.  
 В рот налью ледовитой небесной воды.  
 Я сегодня устал. Я едва дотащился до ночи.  
 Капли пота, как птицы, в колючих кустах бороды.  
 Я пишу эту песню широким размером сказаний.  
 Это зрелый размер. Это гомон дремучих лесов.  
 Я на солнце смотрю раскалёнными злыми глазами.  
 А затем закрываю глаза на железный засов.  
 И – живу. Тишина. Только кровь куролесит.  
 Зверь обходит меня, облетает меня вороньё.  
 Я – серьёзен. Я – камень. Я всё перетрогал и взвесил.  
 И всего тяжелее – раздетое сердце моё.

### 19. В ТЕМНОТЕ

Под вселенский голос вьюги  
 на диване в темноте  
 поразмыслить на досуге  
 о Пилате и Христе...

... Как же так! – руками трогать  
 воздух истины, итог,  
 в двух шагах стоять от Бога –  
 и не верить, что он – Бог!

Под тенистою маслиной,  
 на пороге дивных дней  
 видеть солнечного Сына –  
 и не сделаться светлей?

Отмахнуться.... Вымыть руки.  
 Ах, Пилат, а как же нам  
 под щемящий голос вьюги  
 строить в сердце Божий храм?

Нам, не знавшим благодати,  
 нам, забывшим о Христе,  
 нам, сидящим в Ленинграде  
 на диване – в темноте?!

### 20. БЕЗ БОГА

Из-под ног ушла дорога:  
 Невозможно жить без Бога.  
 Вместо храма – ввысь – слепа,  
 прёт фабричная труба!  
 Мёртвых душ апофеоз.  
 Гоголь, плачущий без слёз.



Дождь идёт. За облаками  
 звёзды лязгают клыками.  
 Водка за сердце берёт.  
 Люди ходят взад-вперёд.  
 Бьются лбами друг о друга.  
 Летом – дождь. Зимой – вьюга.  
 Хлеб, любовь, могильный сад.  
 Ты не съешь – тебя съедят.  
 У кормила, как безумцы,  
 старички за власть грызутся.  
 У парадного подъезда –  
 что за шум? – Борьба за место.  
 Даже солнца сник порыв.  
 Что – оно? Атомный взрыв.  
 Через, скажем, игрек лет  
 от него простынет след.  
 Так ли, этак – худо-плохо –  
 невозможно жить без Бога.  
 Выбит зверь, редет лес.  
 Запах истины исчез.  
 Бренны радость и беда.  
 Скучно в мире, господа!

## 21. НАЧАЛО ПРАЗДНИКА

Уходят праздные друзья,  
 и начинается мой праздник.  
 Я как степенная семья,  
 разогреваю чай на газе.  
 Я, как примерный семьянин,  
 Ложусь на островок дивана...  
 Как хорошо, что я – один,  
 что чай желтеет из стакана,  
 что я опять увижу сны,  
 и в этих снах – такая радость,  
 что ни любовниц, ни жены,  
 ни даже счастья не надо.

## 22. СЕМЬЯ

Вращался лист у входа в дом  
 над дверью, как на ниточке...  
 Семья сидела за столом,  
 тянула щи из мисочки.  
 В углу маячило бельмо  
 Немого телеящика.  
 И лето по полу само  
 ходило кошкой вкрадчивой.  
 Сквозила гибкая ленца  
 во всех его движениях...  
 И чуб у юного отца  
 всё падал в пальцы к женщине.  
 И два молочных крепыша  
 (загар – топлёной корочкой)  
 под стол ходили не спеша,

как селезни – на корточках.  
 Стояла яркая гармонь,  
 как памятник, - на кружеве.  
 Упавший нюхала лимон  
 собачка с тихим ужасом...  
 И было так у тех дверей  
 и солнечно, и истинно,  
 что я отпрянул поскорей  
 и застеснялся искренне.  
 Вращался на ветру листок,  
 Сочился воздух розовый...  
 И был старинным мой восторг,  
 как церковь под берёзами.

### 23. ТРЕВОГА

Тревога позже родилась,  
 когда уже уплыл автобус.  
 Ночь навалилась, точно власть.  
 Дождь по асфальту так и хлопал!  
 Землетрясение души – тревога!  
 Где твои начала?  
 Не в зарожденье робкой лжи,  
 а в том, как женщина молчала...  
 Как безучастно, а не зло  
 с лица она сгоняла воду.  
 И как смотрела сквозь стекло –  
 не на меня – на непогоду.

### 24. ВОКЗАЛЬНОЕ

Прощается женщина с мужем.  
 Идёт, как по небу, по лужам.  
 Трепещет пальто её – тряпка,  
 И скверно ей, верно, и зябко.

Мужчина ж в пучине вагона  
 нарезал колбаски, батона,  
 налил половину стакана  
 и выпил с лицом истукана.

А женщина тащится к дому.  
 К немому, глухому, пустому...

А муж её, скомкав салфетку,  
 спокойно глядит на соседку.

### 25. СТРАШНО

Любовь вокзальная без пыла,  
 исход друзей, утрата грёз –  
 все это было, было, было...  
 А что же будет? – Вот вопрос.

Одышка, церковь, скрежет буден,  
 бессонница, зубной протез –

все это будет, будет, будет...  
А что же есть? А есть – протест.

Есть несогласье со вчерашним,  
с грядущим и насущным днём.  
Все это страшно, страшно, страшно!..  
Игра живой воды – с огнём...

## 26. ВСЮ НОЧЬ

Всю ночь собака лаяла надсадно,  
И мчались облака, облитые луной,  
Плыл аромат, кочующий из сада,  
И образы клубились надо мной...  
Вот тоненькая женщина в объятьях  
Дождливой улицы возникла... Или вот –  
над куполом, над городом распятое  
сбежавшего распятого зовёт!  
То чья-то радость вспыхнет и погаснет,  
то чьё-то зло выходит из орбит.  
Вдруг, словно ветер, налетает праздник  
на человека, что устал и спит.  
... Всю ночь собака лаяла и выла,  
всю ночь душа видения ловила.  
Всю ночь из умирающего сада  
в окно текла душистая прохлада.

## 27. В ДОРОГЕ

Знаю, сказки прочитаны все,  
путь мой вышит крестами – не гладью...  
И всё чаще ночное шоссе  
увлекает меня в непроглядье.

Лихо встанет мотор под окно –  
и урчит, и сигналист... И – ринусь!  
И, накинув на плечи рядом,  
я в осеннюю ночь опрокинусь.

В свете фарном листва мельтешит,  
за кюветом – запретная зона.  
И любая из встречных машин  
может сделать тебя невесомым.

А потом осветлеет восток,  
день сквозь ночь просочится упрямо.  
И старинный, как Русь, городок  
вознесёт свои нищие храмы.

... К ночи – вновь приобщиться страстей,  
помолясь неизвестному Богу,  
приобнять незнакомых друзей –  
и продлить, как молитву, дорогу.